

Действительно, там стоял Ди.

Но как он нашёл это место? Как добрался до крыши? И как, откуда бы то ни было, ему удалось прокрасться в пентхаус? Даже когда его чувства были размыты розовым пожаром похоти, могли Болкон не обращать внимания на звук шагов позади него, что достигли пентхауса, не обнаружив в себе ничего необычного?

— Кто, кто ты, чёрт возьми?!

Хотя казалось совершенно невозможным раздавить трахею Болкона рукой, вцепившейся ему в шею, его лицо уже побагровело. Это случилось из-за невероятной силы и ужасающей ауры, исходящей от лица неземной красоты, находящегося прямо перед его глазами. Одна рука Ди выпустила Болкона, а затем в воздухе раздался свист, возвративший свободу всем четырём конечностям Мэй.

Напряжённо, безбожно — не было иного способа описать его искусство владения мечом.

Болкон даже не обратил на это внимания. Несмотря на то, что он мучился и находился на грани удушья, он мог лишь с восхищением глядеть на великолепный лик. Именно в этот момент он, наконец, вспомнил имя молодого человека.

— Такой... красавец... не может быть... ты не можешь быть... Ди?

— Помимо неё, здесь должна быть ещё одна «новенькая девушка», — вполголоса проговорил молодой человек в чёрном.

Болкону казалось, что это голос демона тьмы, безмерно тяжёлый, словно эхо из глубин земли.

— Где она?

Значило ли это, что Ди пришёл за Мэй и Таки? Даже теперь, когда Мэй уже была свободна, ей всё ещё было стыдно за то, в какой непристойной позе она находилась, и что-то горячее полилось из её глаз.

— Я... я не знаю. Была парочка хорошеньких девочек... и это всё, что я слышал. Одна молодая и одна постарше... и когда они спросили, какую я хочу, я спросил их возраст... и выбрал ту, что моложе...

— Я знаю! — прокричала Мэй, вытирая слёзы. — Они забрали мисс Таки в «замок».

Хрип вырвался из горла «Жиртреста».

Крепче сжав пальцы вокруг шеи мужчины, Ди спросил:

— Ты знаешь что-нибудь об этом?

— Ну... эм... если ты говоришь о замке, то единственный здесь... Лорда Влада. Также стоит упомянуть... что он испытывает неподдельную страсть к... крови молодых девушек.

И, сказав это, Болкон издал пронзительный крик и потерял сознание. Ди, наконец, полностью сжал его трахею.

Сделав лёгкий взмах одной рукой, Охотник отправил неуклюже обмякший кусок плоти в полёт к дальней стене спальни, в которую он врезался прежде, чем перестал шевелиться.

— Спасибо, — сказала Мэй, она уже успела надеть платье, что было спрятано у неё под подушкой.

— Ты ранена? — хотя вопрос Ди был клинически холоден, его голос, казалось, прозвучал с самих небес.

— Э, нет.

— Пойдём, — сказал Охотник, повернувшись к ней спиной и направившись к двери.

Следом за ним, Мэй вышла на улицу, где сильный ночной ветер разбросал её волосы. Шелест деревьев со всех сторон здания накатывал на них волнами. Когда пламя факела стало тонким, словно нить, его мерцающий свет показал фигуру в чёрном, лежащую на земле на полпути между Ди и лифтом. Телохранитель Болкона.

Помимо того, что Ди подслушал разговор «о новых девочках, которых привезли только сегодня» в «Риверс Инн» и проследил за каретой Болкона до этого места, теперь стало ясно, каким образом он умудрился добраться до пентхауса, не привлекая внимания. Особо тонкий, словно паутина, провод тянулся от одной из ветвей трёхсотфутового дерева и обвивал перила крыши, и Охотник попал сюда по нему. Разумеется, на конце провода был крюк. Метнуть его на триста футов сквозь дикий ночной ветер для Ди не составило большого труда.

Дом был окружён парой рвов и тремя рядами стен с электронными глазами и человеческими охранниками, круглосуточно поддерживающими высокий уровень безопасности. Даже для Ди, должно быть, было достаточно трудно прокрасться сюда, и нельзя было впустую тратить время на грязного старика.

Однако он не знал, что Болкон поднимется в пентхаус, и когда он перебрался на крышу, было просто удачей, что он не столкнулся с толстяком, выходящим из лифта. После того как Госпожа ушла, Охотник вырубил телохранителя и последовал за толстяком до пентхауса.

Только кто-то с таким нечестивым мастерством, как Ди, мог не позволить Болкону услышать какие-либо изменения в звуке шагов позади него.

Но именно тогда ноги Охотника внезапно остановились.

Испугавшись, Мэй отпрыгнула в сторону и спряталась за железным столбом, оказавшимся лазерной антенной. Она выглядела настолько сурово, насколько могла, но была не в состоянии ничего разглядеть, кроме лежащей фигуры.

В этот момент призрачная фигура перевернулась лицом вверх. Движение было настолько плавным, что создавалось впечатление, что он, должно быть, нарочно лёг там. Не теряя ни секунды, в его правой руке что-то сверкнуло. Ножи пролетели со скоростью ласточки — этого вполне можно было ожидать от телохранителя, которому настолько безгранично доверял Болкон. Но Ди отбил их в сторону голыми руками — один за другим. Поймав самый последний кинжал левой рукой, он воспользовался им, чтобы разрубить голову телохранителя, как кусок бамбука, прежде чем швырнуть его в темноту.

Как раз перед тем, как раздался крик боли, в лицо Ди ударила облакообразная масса, окрашенная красными отсветами факела. В мгновение ока Ди сделал огромный прыжок назад, но было уже слишком поздно, чтобы избежать шлейфа красного тумана, исходящего от груди телохранителя и других частей его тела.

— Как тебе такой расклад? Я сделал это, Ди! — голос прозвучал откуда-то издали, и человек в плаще, пошатываясь, вышел из-за ряда газовых баллонов.

Было нетрудно заметить в этом осунувшемся, агонизирующем лице черты человека, которого когда-то звали Алой Стелларией.

— Задел тебя мой туман, не так ли? Он может проникнуть через любую одежду... проложить себе путь в твоё тело... и в два счёта... пустить корни, Ди.

А затем мужчина, раненый в сердце, наконец, испустил дух, и, опрокинувшись вперёд, упал лицом вниз.

Без сомнения, он был тем, кто вдохнул новую жизнь в потерявшего сознание телохранителя. Избежав смертельного удара Ди в каньоне Шабара, Алая Стеллария потерпел глобальный провал и был чуть ли не смертельно ранен. Чтобы иметь возможность отомстить Ди и барону, он ходил по пятам за Болконом и проделал весь этот путь. Но Ди этого не знал. И так как Алая Стеллария, разумеется, и мечтать не мог, что из всех возможных мест он столкнётся с Ди именно здесь, это стало ещё одним странным совпадением.

— Ди, ты в порядке? — спросила Мэй, бросившись к нему.

— Не подходи, — резко скомандовал Ди, когда открылись двери лифта, пролив свет на человеческие фигуры, выходящие на крышу.

Трое мужчин, поспешно вставшие полукругом вокруг Ди и Мэй, были охранниками заведения. А позади них стоял гигантский силуэт, который своим неистовым видом, казалось, угнетала саму тьму.

— Ты обладаешь истинным мужеством и мастерством, раз прокрался к Фишеру Лагуне. Я не думаю, что сильно обременю тебя, если попрошу назвать своё имя, прежде чем мы тебя разорвём?

Высказав всё это, гиганта охватило изумление. И не только его, но и трёх его охранников тоже.

Именно тогда направление ветра изменилось, перенаправив пламя факела в другую сторону, и осветив великолепные черты молодого человека, затем позволив им погрузиться обратно во тьму. Однако этого было более чем достаточно.

— Вот это да, какой у нас здесь красавчик, — заявил гигант, а потом вдруг его словно осенило. — О, так ты — Ди? Ах, полагаю, это лишний раз доказывает, что нельзя верить всему, что тебе говорят. Ты выглядишь примерно в десять тысяч раз лучше, чем тебя описывают, — на этом месте он замолк.

Когда Лагуна пристально взглянул на Ди, слабая рябь, казалось, прошла по его лицу. Даже Ди не мог сказать, было это удивление или недоумение.

Охотник сразу же начал действовать. Он стремительно терял силы, что заставило его оступиться, но в глазах всех охранников отразилась атака молодого человека нечеловеческой красоты. Все они были парализованы неземной аурой, источаемой Ди.

Их оружие застонало. Три стрелы, выпущенные стальной тетивой, которая могла выдержать нагрузку до пяти тонн, были поглощены великолепной фигурой в чёрном. Две из них он отбил одной рукой, в то время как третья и последняя погрузилась глубоко в его грудь с правой стороны.

— Ах! — воскликнули Мэй и Лагуна.

Чуть покачнувшись, Ди отступил, схватил Мэй правой рукой и выдернул стрелу из груди левой, прежде чем швырнуть её как снаряд. Она попала в лоб охранника, стрелявшего в Охотника, мгновенно убив его.

Благодаря Аристократической крови, правая сторона грудной клетки дампиров, в отличие от сердца, не была жизненно важным местом. В частности, после того как стрела была извлечена — рана затянулась почти мгновенно. Но тревожила шаткость шагов Ди, словно одна стрела

разожгла страшную болезнь в его теле.

Подбежав к парапету с Мэй подмышкой, он что-то схватил в воздухе правой рукой.

— Эй!

— У него там что-то натянуто!

Вместо того чтобы выпустить второй залп стрел, охранники заметили неустойчивость в шагах Ди и решили взять дело в свои руки. Отбросив луки, они сняли с бёдер полторные мечи и бросились за ним.

— Остановитесь! — проревел Лагуна. Его огромная фигура дрожала от крика, но было неясно, кому тот был адресован.

На перилах кромка его пальто распахнулась, как крылья какой-то сверхъестественной птицы, и Ди соскользнул вглубь леса вместе с Мэй. Теперь он держал Мэй правой рукой, в то время как его левая крепко цеплялась за натянутый в воздухе стальной провод.

Лишь после того, как Лагуна увидел обнажённый клинок, который Ди держал в зубах, он понял, почему оба мужчины, атаковавшие его, в кровавом тумане повалились назад. И к тому моменту, когда он добрался до ограждения, фигуры растворились в темноте. Остался лишь крик ветра.

Гигантский владелец борделя повернул своё весьма странное лицо в сторону леса, из которого слышался шелест, и пробормотал слова, походившие на заклинание:

— Это лицо... Этого не может быть, этого просто не может быть. Мы встретимся снова, человек по имени Ди!

***

Примерно в то же время, в которое Ди попал на крышу публичного дома, барон приблизился к воротам роскошного замка в центре деревни. Ни одно скрытое защитное устройство не сработало, когда он подъезжал к нему, и именно поэтому сердце Аристократа по-настоящему сгорало от тревоги, ведь он не мог предугадать, что мог запланировать враг — его отец. Не было ни единого шанса, что лорд не знал о его прибытии. Следящие устройства автоматизированной системы наблюдения следовали за ним с тех пор, как он пересёк двойной ров. Разводной мост опустился, и когда барон достиг главных ворот, часовые безмолвно открыли их.

Он вышел из кареты, и теперь в одиночестве стоял в громадном зале замка. Он больше не казался раздражённым. Но даже если на самом деле он чувствовал раздражение, молодой

человек был не из тех, кто позволил бы этому отразиться на лице или поведении. Барон молча смотрел на трон перед собой. Сверкающее золотом и драгоценными камнями, это было место человека, которого он оставил около двадцати лет назад. Это не было сентиментальностью. Он приехал сюда, чтобы сыграть роль, за которую никогда не должен был браться.

— Как хорошо, что ты пришёл! — обратился к нему голос.

Это была образцовая встреча отца и сына.

— Или, возможно, я должен сказать: «Как хорошо, что ты вернулся»? Что случилось с Охотником, охраняющим тебя?

— Отличный вопрос.

Это было первое, что он сказал владыке этих земель.

— Я не знаю, — продолжил он. — Мы расстались по дороге сюда. После того как он блестяще выполнил свою часть.

— Как жаль. В настоящий момент я больше заинтересован в нём, чем в тебе.

Его отца не было видно. В мрачном холле не было даже ни единого насекомого.

И всё же барон явно ощущал присутствие лорда замка.

— Изложи своё дело — хотя я, и не спрашивая, знаю, что тебе нужно.

— Как я и обещал двадцать лет назад, я приехал, чтобы забрать твою жизнь, — сказал барон. Улыбка и убийственное намерение впервые растеклись по всему его прекрасному лицу. Улыбка появилась, потому что он, наконец, сказал то, о чём думал так долго.

— Ты всё ещё помнишь об этом? О, судя по твоему лицу, похоже, ты весьма напряжённо готовился. Я уверен, что Йона и Фразетта будут очень рады тебя видеть.

Это были имена двух верных подданных, оплакивающих отъезд барона два десятилетия назад.

— Лорд Влад, — обратился он к отцу, — ты мне обещал не поднимать на них руку, когда я покинул замок. Не говори мне, что ты не верен своему слову.

— Разумеется, я верен. О, не смотри на меня так. Этот взгляд и есть та самая причина, по которой я бы тебя убил!

— Именно так, и при этом ты — мой родной отец. Но теперь моя очередь.

— Я знаю. Не стоит так волноваться. Не торопись ненавидеть меня. Я покажу тебе, что я — человек, который верен своему слову. Выйдите, Йона! Фразетта! — его крик возвестил о присутствии пары.

Фигуры, которые появились в поле зрения барона, казалось, внезапно материализовались в воздухе.

Это и впрямь были те же самые старые вассалы, которым он в прошлом доверял больше, чем кому-либо, и они отвечали ему взаимностью. Однако когда барон посмотрел на приближающуюся пару, в глазах его появился оттенок скорби.

Когда вассалы остановились приблизительно в шести футах перед ним, барон молча протянул им одну руку. Пара ответила тем же. В момент, когда кончики их пальцев уже готовы были соприкоснуться, головы вассалов слетели, оставив кровавый туман, и за несколько секунд от них остался лишь пепел в груди одежды.

Барон спокойно закрыл глаза и склонил голову, а над его головой взорвался глумливый смех.

— Да будет тебе известно, я не нарушил наш договор. Те, что были преданы тебе, должны были оставаться в безопасности до того дня, пока ты не вернёшься в этот замок. Вот ты вернулся, а твоя голова полна мерзких идей о моём убийстве. Или же я поспешил? Ха-ха, тебе придётся сдержаться и простить мне такую крошечную ошибку.

— Очень хорошо. Я сделаю так, как ты говоришь. Я буду сдерживать себя, — ответил барон. — Но лишь до тех пор, пока лорд Влад не явит себя передо мной.

Ещё до того как барон закончил говорить, вспышка белого света выстрелила из внутренней части его плаща.

Сияющая полоса, скорость которой левая рука Ди оценила как превосходящую даже скорость Охотника, пролетела по всему периметру зала, без разбора рассекая мраморные колонны и раскалывая каждую причудливую скульптуру на стене надвое. Сопровождаясь шумом и жутким грохотом, всё это рухнуло на пол, и картину украсили раздробленные фрагменты резных конечностей.

Посреди этой разрухи стоял барон, залитый голубым светом. Одинокий и печальный, как бог разрушения.

Рокот земли и небес вскоре утих, и барон вновь задал вопрос:

— Всё ещё не желаешь показаться?

Его голубые глаза были кристально ясны, и улыбка даже украсила его мужественный и бесстрашный лик. Он был великолепным богом разрушения.

— Я уже иду, — ответил Влад так, будто у него не было иного выбора. — Только прежде, чем я сделаю это, я хотел бы, чтобы ты встретился ещё с одним человеком. Выходи.

Пожалуй, самоуверенность в его голосе позволила барону предсказать, что произойдёт дальше. Из-за поваленной статуи появилась бледная фигура, словно богиня опустошения, и её имя пролилось из уст Аристократа.

— Леди Миска, что вы делаете в этом проклятом замке?

П.

— Что ты с ней сделал? — спросил барон. — Что ты сделал этой женщине, лорд Влад?

— Ничего. По крайней мере, я ничего, — ответил голос. — Всё, что произошло с ней, работа твоего старого друга — доктора Жана де Карриоля.

— Так и есть, — заметил другой голос. Он раздался позади барона.

Этого было достаточно, чтобы барон понял, кто это был. Он даже не повернулся, чтобы посмотреть на странно сгорбившегося иссохшего старика, сказав ему:

— Так ты всё ещё жив?

В его голосе не было ни капли волнения или беспокойства.

— Милорд, это невероятная честь — видеть вас снова, — сказал старик с глубоким поклоном, выражая свою искреннюю радость.

— Что ты сделал с леди?

— Ну, в её теле живёт чрезвычайно опасное существо. Нет, фактически не в её теле, а в её душе.

Барону было известно об этой сущности — в Миске жил Разрушитель.

— И что?

— После непродолжительной дискуссии с принцессой, она выразила своё желание удалить Разрушителя. И я согласился выполнить её желание.

— Тебе, как никому иному, должно быть это по плечу. Я говорил об этом и сам. Но меня волнует, что произойдёт после. А конкретно: что ты собираешься делать с извлечённым Разрушителем, Жан де Карриоль? Я даже слышать не хочу, что ты извлечёшь его просто, чтобы получить с этого прибыль, потому что его «больше некуда деть». По крайней мере, я не думаю, что ты из тех, кто станет делать такое. Так что ты задумал?

— Это весьма необычно, — де Карриоль, наматывающий круги вокруг барона, наконец, зашагал к ожидающей в стороне Миске. — У меня нет никакого умысла, кроме как предложить принцессе моё содействие. Причина её нынешнего вялого состояния в том, что я ввёл ей наркоз, чтобы можно было безопасно провести операцию.

— Тогда бери её и уходи. Но знай, что я категорически не приму отказ с твоей стороны.

— Понятно. Не волнуйтесь, — ответил ему старик, взял Миску за руку и ушёл.

Поведение барона могло показаться равнодушным, но была определённая логика в его действиях. Для начала, любая связь между Миской и им должна была прерваться по приезде в деревню Краухаузен. Затем, барон должен был признать болезненный факт, что один только де Карриоль может изгнать Разрушителя из Миски. И независимо от того, что человек де Карриоль мог подумать о Миске, он не смог бы сделать ничего, что выставит Аристократку в невыгодном свете — это правило действовало для всех, кто служил Аристократам. Всё, что мог сделать де Карриоль, это разделить Миску и Разрушителя, и отпустить её в целостности и сохранности.

— Лорд Влад, это был занятный отвлекающий манёвр, но мы маршируем под бой другого барабана. Нам давно пора вернуться к делам насущным. Покажи себя!

— Прежде чем я это сделаю, у меня есть ещё один небольшой приёмчик, который я хотел бы тебе показать.

Теперь его голос прозвучал иначе, привлекая внимание барона к вершине кучи булыжников. Там неожиданно появилась фигура в сине-фиолетовом плаще. Ростом более шести футов восьми дюймов, он был на целую голову выше барона, но его фигура выглядела совершенно квадратной из-за необычно широких плеч. Его длинное лицо было чёрным — не как у негроида, а скорее из-за металлического блеска на коже, который делал очертания его глаз, носа и рта неприметными. Его голая грудь так же была чёрной как смоль, и на ней покачивался золотой медальон, украшенный драгоценными камнями. Но ещё больше бросался в глаза ослепительный скипетр, зажатый темнотой его правой руки. Таинственно поблёскивали алые камни, украшающие его голову.

— Лорд! — позвал барон.

Как будто в ответ, одна половина плаща Влада, плотно прижатая к его груди, распахнулась подобно крылу. Одного взгляда юной леди, или даже самой возможности того, что она там оказалась, было достаточно, чтобы барон издал низкий скрежет.

— Мне сказали, что её зовут Таки. Она была продана в бордель, тем самым перейдя в моё распоряжение. Я слышал, что она девственница. У неё, безусловно, восхитительная шея.

— Не трогай её, Влад! — прокричал барон, сделав шаг вперёд.

Улыбнувшись, но не сказав ни слова, Влад притянул Таки ближе.

Возможно, находясь под каким-то заклятием, Таки осталась стоять с отсутствующим взглядом.

— Какой же ты глупец — будучи Аристократом, всё же боишься вкуса человеческой крови. Я купил эту девчонку, так что мог бы показать тебе настоящее пиршество крови.

Ослепляющая полоса, прошедшая от макушки головы через лоб и до самой промежности, медленно соединялась, притягивая две половины Влада друг к другу. Толстая полоса стала тонкой ниткой. И потребовалось меньше секунды, чтобы нитка уменьшилась и исчезла вовсе.

Барон не стал атаковать повторно.

Чёрные руки обернулись вокруг талии Таки и подтянули её вплотную к Аристократу.

Взглянув на чёрные губы, барон заметил тёмно-красную утробу и белые клыки, но он ничего не мог сделать. Губы прислонились к шее Таки. Отвратительное наложение чёрного на белое продолжалось приблизительно две секунды, а затем лорд отстранил свои влажные красные губы.

Барон смотрел на этот беспредел без всяких комментариев: не потому, что это был просто обыденный способ «кормления» у Аристократов, а потому, что увиденное возымело травмирующий эффект на него из-за его генетической структуры и личности. Но в тот момент, когда голова Таки откинулась назад, и стали видны влажные и опухшие раны на её шее и кровавые потоки, льющиеся из них, он ринулся к паре, как дикая лошадь.

Спустя секунду земля под его ногами, точнее, пол всего зала, внезапно обрушилась. Не в состоянии ничего сделать, барон упал на десятки ярдов вниз, прямо в поджидающую его ледяную воду. Громко булькнув, она поглотила его и вытолкнула обратно.

Об этом гласили легенды. Вампиры не могли пересечь текущую воду.

Пока барон отчаянно работал руками и ногами, его уши уловили надменный смех, и голос

сверху проревел ему:

— Если ты и в самом деле хоть немного Аристократ, ты сгинёшь там. Но если случится так, что ты выберешься, ты будешь проклят на веки вечные!

***

Ди и Мэй были на окраине города в заброшенном сарае, где располагалось водяное колесо. Конструкцию можно было описать как мельницу, но едва ли можно было сравнить с ней по масштабу. Сходство заключалось лишь в водяном колесе, достигающем трёхсот футов в диаметре. Оно в буквальном смысле простиралось до небес, как Божье веретено. Рядом с сараем протекала довольно быстрая река, которая даже сейчас держала этот огромный, пятнадцати футов в толщину, диск в вечном движении. Было бы правильнее назвать сарай, где находились Ди и Мэй, электростанцией. Хотя деревня перешла на более эффективную солнечную энергию ещё два десятилетия назад, обширный интерьер здания всё ещё хранил в себе всё — от огромных энергетических трансформаторов до бесчисленных машин, инструментов и даже жилых помещений.

На одной из кроватей вышеупомянутого помещения лежал Ди. После спасения Мэй, он опрометью бросился к краю деревни, где случайно наткнулся на это место. Мэй пошла на кухню поискать чай и вскипятить чайник с помощью электронагревателя, у которого, к счастью, хватило мощности для запуска. Вернувшись на мгновение, она обнаружила Ди лежащим. Поскольку он был не того сорта человеком, который успокоился бы и позволил маленькой девочке делать всю работу самой, Мэй решила заглянуть к нему и узнать, что он задумал, и была шокирована увиденным. Из груди облачённого в чёрное Ди тянулись три растения с алыми цветами. Живущая во Фронтире девочка сразу поняла, что это цвет крови. Цветы выкачивали из Ди кровь, приобретая так свой таинственный блеск.

Девочка застыла в изумлении, и Ди велел ей:

— Иди в другое место.

Увидев тонкий скальпель, который он держал в руке, Мэй подбежала, вопреки своей воле, и выкрикнула:

— Нет, мы должны отвести тебя к врачу!

— Врач не сможет вылечить это, — сказал Ди. — Кроме того, если мы замешкаемся, наши преследователи настигнут нас. И Влад, вероятно, уже о нас знает.

Охотник объяснил ситуацию одиннадцатилетней девочке. Это само по себе было доказательством того, что он рассматривал её не как ребёнка, а как женщину, жившую во Фронтире.

— И ты планируешь разобраться с этим самостоятельно?

— Уходи, — велел ей Ди.

— Нет, я хочу помочь!

— Здесь ты ничего не можешь сделать.

— А если бы могла, ты бы мне сказал? — парировала она, даже не зная, почему так сказала. Возможно, это был некий женский инстинкт, который вынудил её ответить на вызов и не позволить этому великолепному молодому человеку одержать над ней верх. — Просто подожди минуту. Я пойду и принесу немного горячей воды.

Поспешно вернувшись в кухню, она перелила дымящуюся жидкость из чайника в большой горшок, добавив воды из-под крана, затем обхватила его обеими руками, и направилась туда, где разворачивалась воистину жуткая сцена.

Ди уже вырезал окровавленным скальпелем один стебель из собственной плоти и собирался приступить ко второму. Корни цветка, брошенные на пол, были почти три фута длиной, и когда она представила, как они прорастают сквозь его тело, Мэй чуть не уронила горшок. К тому же кровь, стекающая с корней, собралась в небольшую лужицу на полу.

Ди безмолвно водил скальпелем по плоти вокруг второго стебля, будто просто вычерчивал окружность. Мэй не сводила с него глаз. Словно опасаясь того, что будет дальше, лепестки на красном цветке задрожали. Ухватившись за корни, Ди выдернул его наружу.

Неописуемый крик ударил по ушам девочки. Крик вырванного цветка.

— Подожди, — обратилась она к Ди, приступающему к работе над третьим стеблем. И как только Мэй поставила горшок на стол, она потеряла сознание.

Следующее, что она поняла — она лежит на кровати. Несмотря на то, что фонарь был погашен, комнату наполнял бледный свет, а снаружи раздавалось пение птиц. Наступил рассвет.

Осознав, что она, должно быть, пролежала без сознания всю ночь, Мэй поднялась на ноги. Пол и кровать, на которой лежал Ди, были пропитаны кровью, но горшка уже не было. Девочка подумала, что он, должно быть, отнёс его обратно, чтобы она больше не увидела ничего неприятного, когда придёт в себя.

— Ди?!

Выйдя из жилого помещения, она обнаружила, что дверь в сарай открыта. Мэй пробиравась

вперёд во всё ещё слабом свете. Деревянные ступеньки шли от главного входа вниз к берегу реки, и девочка была удивлена, обнаружив фигуру в чёрном рядом с громко журчащим потоком. Ветер трепал подол его пальто.

— Ди! — окликнула она молодого человека, но, наконец, заметив огромное сооружение над собой, подняла голову и застыла как вкопанная.

Она каталась на большом колесе обозрения в разрушенном парке аттракционов в Западном Фронтире, но это сооружение было в пять раз больше. Холодный влажный туман ударил ей в лицо — брызги, летящие от водяного колеса. Как только солнце поднялось достаточно высоко, она задавалась вопросом: сможет ли тень водяного колеса пересечь всю деревню Краухаузен или даже полностью покрыть её?

Вскоре после этого её внимание переключилось с впечатляющего зрелища на молодого человека, стоящего у самой кромки воды. Охотник даже не повернулся, чтобы взглянуть на подбежавшую к нему девочку, но Мэй и в голову не пришло, что он недолюбливает её, или что ему попросту наплевать. Неважно, как он вёл себя в повседневной жизни — разве он не примчался к ней на помощь, словно джинн, когда её жизнь была в опасности? Стоя там, рядом с ним, девочка, как никто другой, знала, что прошлой ночью он рискнул своей жизнью, спасая её. В процессе он был атакован, а после испытывал страшную боль, вызванную кровавыми цветами, и всё это ради неё. И хотя ей хотелось, как минимум, поблагодарить его, Мэй не смогла найти слов. Молодой человек в чёрном имел столь строгий вид, что тот препятствовал любой попытке приблизиться к нему. Девочка не знала, почему это происходит.

Ди внезапно повернулся в её сторону. Его грудь была покрыта чёрным одеянием, словно ничего и не случилось.

— Ди...

Это было единственное слово, которое она могла сформировать. Был миллион вещей, которые она хотела сказать. Однако великолепный молодой человек, стоящий перед ней, был мощнее любой горы. И избавление от чудовищных цветов, как и кровь, пролитая им, и напряжённая операция, которую он провёл — это всё не имело никакого значения.

— Что-то произошло здесь прошлой ночью, — сказал Ди.

— Да?

— Когда я пришёл сюда, всё уже закончилось, впрочем... — взглянув ещё раз на сверкающие воды, Ди пошёл обратно к сараю.

Мэй не пошла за ним. Она хотела позволить утреннему ветерку ласкать её.

Когда Охотник подошёл к сараю, солнечный свет озарил его прекрасную фигуру. На противоположной стороне реки — из далёких глубин лесов — начало подниматься утреннее солнце. На секунду девочке пришло в голову, что, возможно, Ди ожидал здесь рассвета. И хотя у Мэй не было особых причин чувствовать нечто подобное, она сочла эту мысль глубоко печальной.

III.

Деревня Краухаузен располагалась на пересечении двух рек: одна протекала с востока на запад, а другая с севера на юг. Протекая практически по прямым линиям, эти две реки пересекались в старинном замке Влада. Кристально чистые воды отводились под землёй, под тяжёлыми крепостными валами, и река, идущая с востока, выходила на запад, а северная выходила на юг. Как и следовало ожидать от рек, поток был довольно сильным; не проходило и года без определённого количества людей, тонувших не только между гор, но и в самой деревне. Селяне окрестили реку, текущую с севера на юг, Ударом, а текущую с востока на запад — Копьём.

Ниже по течению Удара рано утром была установлена причудливая небольшая палатка. Два стула стояли на противоположных сторонах раскладного стола. Всё это напоминало обстановку комнаты гадалки, но на столе не было обычного хрустального шара или астрологических карт. Единственное, что лежало на столе, это маленькое зеркало.

Было довольно много путешественников, спешащих в Краухаузен или просто проезжающих мимо в предрассветные часы, и они не могли не заметить палатки. Сначала, когда она попадалась им на глаза, они говорили «Что за история у этого места?», но, заметив человека, стоящего рядом, они удивлялись и пристально смотрели в глаза владельца, пока их глаза не встречались. В этот момент на лицах прохожих отображался шок, и они торопились уйти.

Примерно за час после рассвета палатку миновали десять путешественников и три кареты, и все они реагировали одинаково.

А после появились одиннадцатый и двенадцатый. Они пришли вместе — отец в сопровождении своей дочери, судя по их виду. Несмотря на то, что отец держался правой стороны и собирался продолжить путь, его дочь остановилась как вкопанная и указала на человека, стоящего рядом с палаткой.

— Посмотри, папа. Тот человек — он такой симпатичный!

Возвращаясь из соседней деревни, в которой был по делам с прошлой ночи, отец явно пребывал в дурном настроении. Но когда он повернулся и взглянул дальше по дороге, его глаза широко распахнулись. Человек, который стоял там, носил пальто, окрашенное во все цвета радуги. Поскольку отец знал, что Краухаузен была шумной деревней, вид человека, носящего на себе такой безумный бунт оттенков, не произвёл на него большого впечатления, но вот его лицо было достойно обсуждения. Довольно длинное — некоторые могли бы описать его как лошадиное, — круглые глаза, большой высокий нос, губы, настолько же длинные и тонкие как

травинки, и почти прозрачная кожа. Как бы вы на него ни смотрели, это лицо было самым воплощением юной красоты. Понимая, что это не очень хорошо, отец всё же начал сравнивать его с дочерью. Однако она ни малейшим образом не возражала, полностью поглощенная разглядыванием человека.

Что он делал? В одной руке у него была складная косметичка, а в другой он сжимал кисть, которой накладывал макияж на своё лицо.

— Вуаля! Готово! — воскликнул он, убирая кисточку от своих ресниц.

Отец и дочь ахнули.

При ближайшем рассмотрении, его глаза были слишком узкими, а зрачки странно широкими. Его нос шёл хорошей резкой линией, но ноздри сильно расширились по обеим сторонам, что делало его похожим на голую фигуру, сидящую со скрещёнными ногами в середине его лица. И губы выглядели как пухлые колбаски, будто приклеенные на их место. Тем не менее, он оказался самым энергичным парнем в мире.

Это была сила макияжа. Тени для век, которые казались естественной тенью, и основа, что в точности повторяла утончённые оттенки кожи, создавали такой эффект, что трёхмерные линии его носа лежали в разных плоскостях. Излишне говорить, что неясные контуры губ были нанесены помадой.

— Что вы скажете, мисс? — спросил он, указав на сиденье, куда девушка направилась неуверенным шагом.

— Эй! Джоанна! — закричал отец, пытаясь остановить её.

— Не бойтесь. Я Хломо — визажист, который работает исключительно с путешественниками, направляющимися в город. Вся моя цель состоит в том, чтобы сделать вашу прекрасную дочь ещё более красивой. Насчёт оплаты — мне не нужны деньги.

— Бесплатно? — удивился отец. Скупая улыбка мелькнула на его губах, но он быстро стёр её, добавив: — Я не знаю...

— Я хочу сделать это, — умоляла его дочь, глядя на крепкого накрашенного мужчину.

При более пристальном рассмотрении истинное лицо человека — Хломо — стало видно. И именно его искусственность в применении косметики ставила все её женские инстинкты в ступор.

До сих пор все путешественники, проходящие мимо, были мужчинами.

Несмотря на заверения, что всё будет хорошо и бесплатно, отец всё ещё находил парня весьма тревожащим. Но, подумав, он решил, что это не может быть какой-то монстр, первым делом с утра явившийся сюда. В конечном счёте у него не было иного выбора, кроме как позволить девушке сделать то, чего она хочет.

Усадив дочь на стул, художник устроился в кресло напротив неё и принялся за работу. Её макияж был завершён менее чем за минуту. Вдобавок к тому, что работа была выполнена с угрожающей скоростью, она также была несравненна в своей точности. Кисти для глаз сверкали; пуховка наносила радужную пудру.

— Ну как тебе? — спросил Хломо, протягивая ей зеркало, и вернулся к собственному неприкрашенному лошадиному лицу. Несомненно, он решил, что смелому молодому человеку будет трудно произвести впечатление на девушку независимо от того, насколько прекрасной он её сделал.

— Это невероятно! — с восторгом воскликнула девушка.

Она с трудом могла подобрать слова. С несравненно очаровательными глазами, и щеками столь же розовыми, как вишнёвый цвет, лицо, отражённое в зеркале, было не иначе как лицом Венеры, родившейся из пены морской.

— Что вы думаете, сэр? — спросил Хломо.

Но изумлённый отец девушки был не в состоянии подобрать слова. Он был ошарашен преображением дочери, или, что ещё хуже, испытывал эмоции совершенно иного рода.

— Мои... Это, конечно, что-то... Что вы смогли сделать её такой... такой сексуальной... — и его взгляд, и его голос стали пустыми.

— Это просто чудесно, папа. Посмотри — я самая красивая женщина в мире! — подхватив подол юбки, девушка закружилась.

Хломо последовал за ней, и когда они были недалеко от её отца, он спросил её тихим голосом:

— Тебе нравится, мисс?

— Конечно. Спасибо. Вы — самый великий визажист в мире!

— Нет, я просто люблю косметику. Но мисс, ваше лицо создано на основе красивой модели.

— Модель? Ну, это нормально. Ничего страшного, что два человека хорошо выглядят.

— Конечно, нет. Однако есть кое-что, что нужно учесть. На самом деле эта модель была исключительно злой женщиной.

— Злая женщина? — переспросила девушка, остановившись, и неуверенно посмотрела на Хломо.

— Да, в самом деле. Она так гордилась своей красотой, что заставляла мужчин содержать себя, разбивая их сердца, а когда кончались деньги, вводила друзей своих мужчин, и в конечном итоге приказывала мужчинам грабить банки, угонять скот, похищать людей и совершить убийства — она могла заставить их делать что угодно. Но хуже всего было...

Стоя рядом с ними, отец смотрел, как Хломо нашёптывает что-то его дочери. Как только он подумал, что в этом есть что-то неправильное, его дочь развернулась в другую сторону. При всей её новообретённой красоте, её лицо стало жёстче, чем секундой ранее.

— Что с тобой? — неуверенно спросил он.

— О, ничего, — ответила его дочь, покачав головой, а потом выхватила нож, который носила на бедре для защиты, и вонзила его в грудь отца.

— Т-ты...

Когда отец безмолвно рухнул на землю, Хломо подбежал к нему и проверил пульс, кивнул, затем стал обыскивать внутренние карманы его рубашки, пока не вытащил оттуда толстый кошелёк. Восхитившись его весом, он сунул его в карман собственного плаща, прежде чем вернуться к девушке, в полном шоке стоящей с окровавленным ножом в руке.

— Худшая особенность модели, которую я выбрал, в том, что она всегда убивала мужчин, которых использовала. Отец, который воспитал её, был в особой опасности. На этом урок окончен, — радостно подытожил он.

Покружившись вокруг себя за спиной у девушки, он мягко оперся одной рукой на её плечо и снова зашептал ей на ухо:

— Если бы мы позволили жить такому злому человеку, то не осталось бы места для закона и порядка в этом мире. Мы не можем этого допустить.

Секундой позже девушка выгнулась назад. Стальной наконечник выглядывал меж её грудей.

Пока она билась в конвульсиях, Хломо упёрся одной ногой ей в спину и вытащил полторный меч, а потом столкнул тело девушки в текущую возле дороги реку.

— Ну, вот и конец вашего макияжа, — сказал бравый молодой человек, ухмыльнувшись, когда всплеск воды достиг его ушей.

Брызги, поднятые телом, создали рябь на небольшом участке реки, и на поверхности, пузырясь, расплылось красное пятно, которое быстро смыл мощный поток воды. Тело отца быстро отправилось следом.

— Я сделал даже больше, чем ожидал. Можно прикрыть лавочку на сегодня.

Как эти слова звучали для плывущих вниз лицом трупов, оставляющих за собой кровавый шлейф, словно тянущиеся за ними ленты алой ткани? Внезапно вскинув своё великолепное лицо и нахмутив тонкие брови, Хломо посмотрел вверх по течению и пробормотал:

— О, похоже, кто-то был готов ещё до моих проделок.

Он снова обратил свой взор к потоку воды. В одной области река становилась шире, что делало поток спокойнее, чем на узких участках. Благодаря этому весь мусор, сбрасываемый с холмов, удерживался деревянными сваями или деревьями, поваленными в реку. Примерно в пятнадцати или двадцати футах от того места, куда он сбросил тела отца и дочери, он увидел чью-то руку, зацепившуюся за ветви упавшего дерева, хотя само тело было под водой. Его замечание о ком-то, появившемся до его проделок, было просто дурной шуткой о том, что в реке мог оказаться ещё один труп. Или это должно было быть шуткой, но когда Хломо устался на тело, его глаза с удивлением засияли. В плаще голубого цвета, напоминающем глубины моря, и с фигурой, которая выглядела мужественной и сильной даже под водой, было сложно не признать этого человека. Это был Аристократ. А учитывая, что был только один Аристократ, появившийся в Краухаузене за последнее время — Хломо знал, кто это, поскольку работал на де Карриоля и Влада. Негодяй знатного происхождения, который приехал, чтобы убить их лорда, был не кем иным, как бароном Байроном Балажем.

Но что он делал здесь? Ответ был прост: вчера вечером он посетил замок и попал в засаду. Хломо не считал, что он получил по заслугам. Хотя он, наряду с Занусом и Сай Фунгом, был одним из участников самого могущественного трио лорда Влада, двое последних первоначально работали под де Карриолем, поэтому их преданность лорду не была особенно велика. Хломо предоставил Занусу и Сай Фунгу право напасть первыми и помешать Байрону, пока сам он с самого утра был занят тем, что грабил и убивал. Но лишь потому он уступил им свою очередь, что при любом удобном случае планировал покинуть лорда Влада, если дела вдруг пошли бы плохо. Иными словами, он был эгоистичным ублюдком и, что хуже всего, психопатом.

«Как весело! Нет ничего лучше небольшого убийства в семье», — хохотал он в глубине души.

Что-то поднялось над поверхностью воды — бледная ладонь барона. Фактически рука Аристократа не была задета прямым солнечным светом, а скорее лежала в тени, что отбрасывали на воду листья упавшего дерева. Однако когда солнце поднимется выше, тень отступит, подставив тыльную часть его руки лучам солнца. И оно только что изменило своё

положение. Рука была укрыта бронированной перчаткой, но кожа Аристократа осязательно реагировала на солнечный свет. Его бессмертная плоть начала протестовать против силы, мешающей ей защищаться.

— Интересно, — пробормотал Хломо со злорадным выражением на лице.

Быстро подойдя к месту, где лежало упавшее дерево, он ухватился за одну ветвь и наклонился над рекой. И как только он собрался схватить барона за запястье, Аристократ опередил его, схватив руку Хломо.

— Чтоб тебя!

Судя по тому, как завизжал одержимый косметикой монстр, на самом деле он был трусом. Тем не менее, как только он увидел, что пальцы, схватившие его, не поднимаются выше, он, казалось, счёл, что в безопасности, и приложил все свои силы, чтобы вдавить тело барона на поваленное дерево. Однако так Аристократ оказался уже под прямыми солнечными лучами. Барон не сказал ни слова, но его тело затряслось. Струи белого дыма начали подниматься от его мокрого прекрасного лица.

— Это особо не повредит.

Увидев, что Аристократ без сознания, Хломо закинул его тело на одно плечо и так быстро, как только мог, бросился в находившийся неподалёку густой лес. Менее чем через две минуты он опустил барона вниз, в кусты, в самых тёмных глубинах леса, где даже лучик света не проходил сквозь ветви. Стараясь отдышаться, он снова взглянул на лицо Байрона Балажа.

— Какой красивый человек. Действительно достойный макияжа. Что ж, нужно сделать это до того, как он придёт в себя.

Сказав это, он достал свои косметические принадлежности, причудливая природа которых была наглядно продемонстрирована в ужасных убийствах, которые только что произошли.

В укромном уголке леса, тёмном, как дно урны, какой макияж он сделает барону? И какое влияние он окажет?

<http://tl.rulate.ru/book/51824/2402897>